

© Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.
Bucharin S., Rakityansky N.

МЕНТАЛЬНАЯ МАТРИЦА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

MENTAL MATRIX OF THE POLITICAL ELITE TO THE THEORY OF INFORMATION FIELD

Аннотация. В статье показана попытка использования теории информационного поля для исследования особенностей менталитета польской и русской политических элит XVII – XIX веков.

Annotation. The article describes the attempt to use the theory of the information field for studies of the mentality of Polish and Russian political elites XVII - XIX centuries.

Ключевые слова. Элита, информационное пространство, информационное поле, шляхта, догмат, догматический принцип, догматическая доктрина, сарматизм, менталитет, ментальная матрица.

Key words. Elite, information space, information field, the gentry, dogma, dogmatic principle, dogmatic doctrine, Sarmatian, and mentality, the mental matrix.

Догматический принцип и менталитет

Изначальным основанием и ядром менталитета любого этноса, народа и нации [1] является принятый ими догмат¹ как некая истина a priori. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления народа, вектор мышления и воли больших групп людей, программирует их жизнь и деятельность, воззрения, намерения и поступки. Многие поколения людей различного социального статуса – правители, элитные группы, обыватели ориентировались, и по сей день ориентируются на догматические основания жизни. «Догмат, – пишет А.Ф. Лосев, – есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры... Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве... Догмат же всегда есть научно диалектическая система или принцип её» [2].

В соответствии с догматическим принципом догмат как первичная система априорного знания об осно-

вах мироздания и смысле человеческого существования устанавливает базовую структуру ментальной матрицы, определяет её содержание. Более того, догмат обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека [3].

Со времён французского Просвещения сформировалось жёстко отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание привычно воспринимает эти слова крайне негативно как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой системы религиозного мышления, которая якобы состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности. Одно слово – догма зачастую вызывает реакцию как минимум в форме настороженности и раздражения. Но наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, не-

¹Догма, догмат от др.-греч. *δογματιζω* – учение, мнение, общее убеждение, постановление, утверждение. Англ. dogma; нем. Dogma. Это положение или мнение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства.

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел. +7(495) 580-48-80.

Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921-83-53.

Bucharin Sergey – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IPM RAS, tel. +7(495) 580-48-80.

Rakityansky Nikolay – PhD of Psychology; Moscow State University of M.V. Lomonosov, tel. 921-83-53

верно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной жизни.

Догматичность менталитета для большинства современных людей является практически невидимой и неразличимой, как и давление атмосферного столба, так как она столетиями привычно воспринимается как истина а priori и не составляет для его носителей никакого вопроса. Именно поэтому для мышления каждого человека, находящегося внутри любого менталитета, чрезвычайно сложно определить – в чём именно состоит его догматическая обусловленность.

Догматическое мышление как матрица и как инвариантная структура объединяет различные массы людей, которые жили в пространстве длительное время преобладающего вероисповедания как в некой гравитационной системе.

В.В. Можаровский определяет догмат как установки веры, которые утверждаются как всеобщие для исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью логического мышления. Иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями обыденной или научной логики. Догматическое мышление непреложно воспроизводится в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни наций, народов и конкретных людей, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы, традиции и ценности в результате этого процесса со временем становятся неотъемлемой частью не только сознания, но и других – неосознаваемых (бессознательных), т.е. подсознательных и сверхсознательных компонентов психики людей. Ментально-догматические особенности из поколения в поколение возобновляются и утверждаются их носителями – субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований [4].

Таким образом, вся история существования и развития, проблема безопасности и выживания любого народа, политических элит, государств, цивилизаций определяется выбором и утверждением тех или иных догматических оснований бытия.

Латинское слово *mens* (*mentis f.*), от которого происходит современное понятие менталитета, имеет два основных значения. Первое его значение – это в широком смысле ум, образ мыслей, рассудительность, характер, сердце, душа, душевный склад. И во втором значении – это способность мышления вообще, т.е. нечто первич-

ное, что выражает способность мышления как таковую. В.С. Барулин делает акцент на весьма важном свойстве менталитета – его вариативности-инвариантности. Он определяет менталитет как духовно-стационарную основу человеческого существа, которая позволяет ему бесконечно видоизменять своё поведение, оставаясь при этом одним и тем же [5]. Несмотря на бесконечное многообразие трактовок понятия менталитета, большинство авторов считает, что именно менталитет выступает духовной основой жизни социума, его устойчивых идеалов, ценностей и приоритетов [6].

Каждый тип менталитета как целостная система включает в себя четыре базовых психологических компонента. Это – догматически обусловленное мышление, направляемая догматом воля, связанное с догматом бессознательное и определяемая догматом вера. Эти же компоненты выражают собой неизменяемые веками и непрекращаемые в своих проявлениях догматические установки [7].

Догматическая доктрина сарматизма

Сарматизм как доминантная тенденция ментализации польских элит формировался в эпоху позднего Ренессанса на рубеже XVI-XVII вв. в шляхетской среде на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в обществе и государстве. Основопологающим положением сарматизма стал догмат об особом происхождении польского народа, под которым понималось только дворянство.

Ещё на начальном этапе формирования шляхетской догматической доктрины сарматизма у её идеологов преобладала установка не общности, а этнической и сословной обособленности и исключительности, которая а priori полагала, что у шляхты особые этнические корни – сарматские, а не славянские, как у «хлопов» и «быдла». Поскольку власть в Речи Посполитой принадлежала шляхте, своевольно ограничившей в правах короля и другие сословия, это получило выражение в представлении о дворянстве как о политическом народе – демосе. Период генезиса сарматской идеологии был временем формирования своеобразных корпоративных представлений о демократии как демократии только для избранных. Польская шляхта провозглашала себя наследницей традиций античного демократизма так, как она его понимала, что, впрочем, не вступало в противоречие с обязательством сохранения принадлежности к католицизму [8].

В XVII в. сарматизм в целом был принят шляхтой в качестве догматической основы её сословно-корпоративной идеологии и определил уникальный характер польской знати и её политический статус в век

абсолютизма в Западной Европе. Под сарматизмом стали понимать совокупность присущих польскому шляхетскому сословию особенностей менталитета, которые проявлялись в мышлении и мировоззрении, образе и стиле жизни, в быту, определённом типе культуры, этике и политического поведения. В качестве приметы времени можно привести тот факт, что в поиске исторических корней шляхтичи стали выводить свои родословные от древних сарматов, живших во II столетии в причерноморских степях. Без сарматских корней шляхтич считался ненастоящим.

С самого начала своего становления сарматизм как архаичная форма догматической веры и самоидентификации шляхты, утверждался и как своего рода социальный расизм, что, впрочем, вполне вписывалось в европейские традиции сословной и национальной нетерпимости того времени с той разницей, что Европа была устремлена в будущее.

Шляхетский мессианизм и мегаломания достигли такого уровня, когда Речь Посполитая стала трактоваться как некое идеальное пространство – государственное («золотая свобода»), конфессиональное (католицизм), национальное (сарматы – избранный народ). Это – крепость, призванная обороняться от язычников, т.е. татар и турок, от схизматиков, т.е. москалей и украинских, и запорожских казаков, от протестантов – Швеции и Бранденбурга. В эту пору догмат сарматизма и определяемые им шляхетское мышление, этика (воля), политические установки и вера в избранность препятствует реальной оценке национальной ситуации. Если она ухудшается, то якобы лишь потому, что Речь Посполитой предназначена роль невинной жертвы с уподоблением страстям Христовым». После разделов страны шляхетский мессианизм утвердился в вере в то, что «Польша страдает за грехи всего человечества».

Сарматизм как догматически обусловленная идеология шляхетской, и в последней трети XVI в. – и магнатской Речи Посполитой, предопределил ментальные особенности польской знати в отличие от западноевропейской аристократии. Шляхта, «огонь и железо вольного рыцарства» была сословием воюющих господ. Архаичная и незамысловатая сарматская догматическая этика предписывала свод насколько жёстких, настолько и нелепых установок. Так, истинный шляхтич предпочтет умереть с голода, но не опозорит себя физическим трудом, он дистанцирован от «быдла», отличается «гонором» и демонстративной храбростью. При этом христианское братолюбие, смирение и аскетизм в реальной жизни им были неведомы.

Именно шляхетская политическая элита как носитель сарматской догматической идеи избранности и «католичкой» догматически-репрессивной, тоталитарной нетерпимости не только заблокировала социальное и политическое объединение нации, но и в последующем предопределила крах польской государственности.

XVII век становится переходным этапом, когда, несмотря на явные черты кризиса, государство ещё сохраняло свою целостность и способность к развитию. Но с середины века дезинтеграционные процессы, которые раскручивал маховик сарматской догматической доктрины, набирают негативную инерцию и становятся необратимыми, осложнившись внешнеполитическими поражениями и последствиями тяжёлых войн, ведущихся на территории Речи Посполитой – продолжаются войны с турками, крымскими татарами, шведами, русскими. Как реакция на сарматское высокомерие и жестокую колонизацию вспыхивают многочисленные казацкие восстания. Левобережная Украина отходит к Московскому государству. Всё это приводит к экономическому упадку и усилению дестабилизации в сарматской «республике».

Здесь необходимо отметить, что история формирования и развития менталитета польской нации изначально обусловлена исповеданием религиозных догматов католичества. При этом важно учитывать то обстоятельство, что догмат сарматизма зарождался в период, когда в Европе нарастали секулярные тенденции, и польским политическим элитам не удалось избежать их влияния [9].

По мнению М.В. Лескинец, сарматизм мог возникнуть, когда одной религиозной идеологии стало уже недостаточно. Её следовало обогатить и дополнить комплексом новых светских догматических значений, но тех, которые не выпадали бы из сакрального круга католической культуры. Ими стали значения сарматского мифа [10]. Со временем идея сарматизма, сам «сарматский дух» начинает формировать своеобразие польского католицизма, что определялось начавшимися в Европе в эпоху Возрождения процессами утверждения национального принципа. Стремление каждой нации выбрать свой путь, соответствующий ее типу мышления, этике, традициям и вере, оказало влияние на все стороны ее жизни и не обошло национальных форм духовности. Оттого мы реально констатируем в недавнем прошлом испанскую духовность, итальянскую духовность и французскую духовность – формы духовности, тождественные в своей католической основе, однако по-разному осмысленные и воплощенные [11].

Польша в этом процессе не была исключением. Часто в литературе используется термин «сарматский ка-

толицизм», особенностью которого стало то обстоятельство, что религиозные проповеди, литература, изобразительное искусство, быт, вся жизнь наполнялась верованиями, легендами и мифами о героических свершениях сарматского народа. «Всюду в них старосты, гетманы, епископы, Речь Посполитая ... Христос, апостолы, святые ... изъясняются стилем и языком шляхты ... всякая война носит название посполитого рушения; там Спаситель проводит элекционный сейм для избрания на престол небесный» [12]. Вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые облакались в польские одежды, потому что жили на польских землях. Более того, культ польского героя, богатыря-сармата столь активно использовался церковью, особенно в периоды кровопролитных войн, что зачастую превосходил по значимости древних ветхозаветных пророков и святых [13].

Польская церковь, безусловно, играла значительную роль в сарматской сословной консолидации. Но ничуть не меньшее место в системе идей сарматизма играли мифологические представления, не являющиеся в чистом виде христианскими, а также нерелигиозные идеалы – личностные и гражданские. По словам Зб. Куховича, «поляков объединяла не столько общая вера, сколько обычаи, связанные в ней» [14].

Сарматский догмат, если не заслонил, то вобрал в себя религиозную идеологию и подчинил её себе. Проговаривая известный тезис: «кто не католик, тот не поляк», сарматский миф устремлялся в светскую сферу культуры. Черты же христианской религиозности, связанные с католической традицией и обрядностью, воплотились впоследствии в шляхетском мифе в образе сармата. Это и объясняет то, что сарматскому мифу в определённом смысле чужды утончённые формы искусства высокого барокко и философия католических мыслителей. Он тяготеет к простым и ясным, «низовым» способам выражения. Религиозное переживание, наполняющее полонизированную сарматом католическую веру, связано, прежде всего, с данью традиции, в которой не последнее место занимала традиция польского католического персонализма. Сарматский догматически детерминированный индивидуализм, волюнтаризм и социальный расизм побуждал польскую политическую элиту к воинствующей нетерпимости ко всем прочим типам политического мышления и поведения. Именно шляхетский сарматско-католический персонализм был важным фактором развития сословно-корпоративного эгоизма, который сформировал и запустил механизм саморазрушения польского государства.

Истоки сарматизма изначально имели политический характер. В других государствах на первое место выходили другие факторы формирования национального самосознания – такие как, например, исторические корни. В Речи Посполитой явно преобладали политические амбиции «шляхетского народа», и сама шляхта была скорее политической, нежели социально-экономической категорией. Главным фактором шляхетской политической консолидации выступала совокупность правовых и социокультурных традиций. В догматически обусловленных представлениях шляхты о себе как о сарматском народе доминирует именно политический элемент самоидентификации.

Под сарматской идеологией понималась совокупность социально детерминированных и закреплённых в политико-правовом устройстве государства Речи Посполитой взглядов, политических традиций, сословных и этических норм. Причины столь долгого функционирования, «живучести» элементов этой идеологии видятся в особенностях экономического строя Польши и в так называемой «сарматизации католицизма». Однако отношения сармата и его республики не касались, и даже, более того, не «снисходили» до простолюдинов. То есть народ понимался как «гражданское общество» шляхтичей-сарматов, наделяемое феодально-сословными чертами. Именно этот «народ» имел полное право считать большую часть своих соплеменников «хлопами», «быдлом», «пёсией кровью». В этом «гражданском обществе» доминировали и входили в традицию несовместимые с христианской этикой и нравственностью нормы своеволия, жёсткого, нетерпимого и непримиримого противопоставления по отношению к низшим сословиям.

Таким образом, сарматизм догматически утверждался идеологами шляхты через веру в избранность потомков сарматского этноса. Именно эта непререкаемая вера стала одной из основ формирования шляхетского менталитета. Этот догматически обусловленный менталитет как инвариантная структура определяла шляхетские психолого-политические установки мышления, воли, политических стереотипов, веры в свою избранность, которые возобновлялись и утверждались их носителями в течение длительного времени как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо рациональных объяснений, исторических обоснований и юридических доказательств. Сарматизм изначально стал вождельно исповедоваться как некая «гражданская религия», при этом вера в сословную исключительность воспринималась нерелексивно, догматически, т.е. так, что она не составляла для шляхтичей никакого вопроса как

истина a priori. Догматически обусловленные комплексы мегаломании, нарциссизма, самоидеализации, ксенофобии, сословной исключительности, безответственности и инфантилизма польских политических элит запрограммировали, по существу, утрату государственной независимости Польши и её многократные разделы [15].

Опыт анализа некоторых аспектов менталитета политических элит в трёхмерном пространстве информационного поля

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя.

Иоанн, 15:13

В настоящем разделе сделана попытка формализации описанных выше понятий с целью объяснения особенностей политического поведения элит на примере польского и русского дворянства и аристократии XVII-XIX веков. Данный подход позволит создать методологическую базу для такого рода исследований.

В статьях [16,17] было введено понятие информационного поля. В рамках проведенных исследований предполагалось, что, поскольку каждый человек обладает некоторым объемом знаний, придерживается определенных ценностей, имеет некие отношения к кому-либо (чему-либо), то ему (этому человеку) в некоем информационном пространстве соответствует определенная изображающая точка. Со временем с приобретёнными опытом, знаниями и под воздействием внешних информационных воздействий положение человека в информационном пространстве меняется. То есть в течение жизни человек описывает некоторую траекторию в информационном пространстве.

В этих же статьях [16, 17] были введены координаты и определения метрики и расстояния в данном пространстве. Люди, обладающие сходными ценностями, знаниями, отношениями, в информационном пространстве, находятся рядом, иными словами, группируются в определенной области. Если на информационном пространстве задать функцию, то образуется информационное поле. Мы предположили, что данная функция является случайной и отображает реакцию человека на определенную ситуацию. В самом простом случае это может быть бинарная функция. Например, вероятность совершения одного из двух противоположных поступков в определенной критической ситуации.

Особенности мышления, воли, бессознательного и веры человека представляется возможным определить его положением в информационном пространстве, а информационное поле с определенной вероятностью опи-

сывает его поведение. Положение человека в информационном пространстве определяют особенности системы воспитания, образования, окружающая информационная среда и личностная позиция.

Ментальную матрицу исследуемой группы людей, в нашем случае польскую и русскую элиты, определим как две области в подпространстве информационного поля ценностей и отношений к чему-либо, кому-либо. Случайная функция поступка, то есть реакции человека, находящегося в определенной точке той или иной области, является предметом нашего исследования.

В предельно упрощенном варианте в качестве ментальной матрицы можно рассмотреть двумерную модель. Например, отрезок $[1, -1]$ представляет собой шкалу соотношения «личного и общественного». Граница отрезка -1 соответствует положению, когда «личное всегда выше общественного». Граница $+1$ соответствует положению, когда «общественное всегда выше личного». Точка ноль соответствует «безразличию». В промежутках между -1 и $+1$ может находиться сколь угодно много промежуточных оценок. Если на отрезке задать вероятность бегства военачальника с боя в критической ситуации, то максимум этой вероятности будет соответствовать точке -1 , далее, приближаясь к середине отрезка, вероятность будет падать, приближаясь к 0.

Если для человека «личное всегда выше общественного», то жизнь для него является высшей ценностью, поэтому не позорно сбежать с поля боя и тем самым сохранить свою жизнь. Чтобы «бросить поле» боя, не обязательно принимать участие в битве, можно просто сочувствовать патриотам в уютной атмосфере элитных салонов, что делала польская элита на протяжении последних трех веков своей истории. Ничтожная, одна тысячная часть поляков, принимала участие в национально освободительном движении. При этом польскую элиту не мучила совесть относительно своего пассивного участия в борьбе за независимость. Что касается бегства с поля боя польской военной элиты, то это не было страхом. Это была закономерная реакция человека, в менталитете которого заложена программа «личное всегда выше общественного».

Противоположной была реакция у русской военной элиты, и это не означало, что русские офицеры и генералы не знали страха, просто чувство долга доминировало над страхом.

Отметим, что как среди польской элиты находились люди, которые не жалели жизни ради своего государства, так и среди русской элиты встречались малодушные люди, которые бросали своих подчиненных в крити-

ческую минуту. Но это были единичные случаи. То же самое можно сказать и о предательстве. Тот, для которого «жизнь высшая ценность», легко изменяет присяге, чем и отличались польские генералы и офицеры.

Идеология сарматизма расставила польскую элиту и польский народ на противоположные полюса. Для польской элиты народ мало чем отличался от животных. Крестьяне в ответ ненавидели свою элиту. Это многовековое напряженное противостояние явилось одним из факторов лимитрофизации Польши.

Над шкалой «взаимоотношений» элиты и народа также можно построить случайную функцию реакции людей, находящихся в окрестностях полюсов данной шкалы. Шляхтичи офицеры и аристократы генералы не ценили жизни подчиненных, а польский народ не поддерживал элиту в ее «национально освободительной» борьбе. В связи с этим становится понятной причина аномально большого соотношения погибших в боевых действиях солдат на одного офицера в истории первой и второй Речи Посполитой. Даже во Второй мировой войне это соотношение превышало два десятка.

Анализ случайной функции поведения польской и русской элиты, заданной на шкале Маслоу («самоактуализация – гедонистические потребности»), позволяет объяснить некоторые особенности поведения данных элит. В XXII – XIX веках самореализация польского дворянства и аристократии происходила в рамках либеральной формы управления, а российских – централизованной, при этом социально-исторические условия отличались значительной жесткостью. Отметим, что Российская империя на данном этапе, оставаясь абсолютной монархией, по своему проходила циклы либерализации-централизации. Достаточно вспомнить реформы Павла I, Александра I, Александра II и Николая II.

В такой обстановке стремление человека к максимально полному выявлению и развитию своих личностных возможностей имело большие возможности реализоваться в условиях централизованной формы управления. Этот тезис основан на том, что такая форма управления позволяет осуществлять концентрацию ресурсов на стратегических направлениях государственного развития. Например, реализовывать грандиозные колониальные проекты, финансировать фундаментальную науку и заморские экспедиции, содержать систему образования, обеспечивать государственную поддержку науке и искусству и т.д. В связи с этим многие лучшие представители польского шляхетства находили возможности своей самореализации за границей и в Российской империи в частности. Княжеские, графские, баронские титулы, все-

мирное признание ученого, художника, композитора поляки могли заслужить, как правило, вне Польши.

В хаосе раздираемой внутренними конфликтами Речи Посполитой значительная часть польской аристократии сконцентрировалась у полюса «гедонистические потребности». Ни разделы Польши, ни фактическая утрата суверенитета не сказались на образе ее жизни: ежедневные балы, фейерверки, охота и прочие «галантные» развлечения продолжались.

Русская аристократия в плане предрасположенности к развлечениям мало чем отличалась от польской элиты. Однако, во-первых, балы происходили в суверенной России, во-вторых, над ней всегда находился монарх и его администрация, которые в любой момент могли мобилизовать аристократов на войну. Интересны результаты исследования [18] поведения польской и русской аристократий над шкалой (координатой) «соотношение материального и духовного». Для той и другой аристократии «материальное» было, как правило, не актуально. В силу этого у аристократов часто духовное начало преобладало над материальным. Однако в Речи Посполитой данное обстоятельство вело к инфантилизации элит. В Российской империи аристократия не только была обязана принимать участие в многочисленных войнах, но и считала службу «царю и Отечеству» делом чести, исповедуя христианский догмат – «несть лучшей доли, чем положить жизнь свою за други своя». Ментальность русского офицера нашла своё отражение и в следующих поэтических строках неизвестного нам автора:

Душу Богу я вручаю,
Жизнь я жертвую царю,
Честь себе я оставляю,
Сердце Родине дарю.

Таким образом, положение русской аристократии в трехмерном пространстве по координатам – «личное и общественное», «материальное и духовное», «самореализация и гедонистические потребности» способствовало развитию и росту могущества Российской империи.

Пользуясь нашей теорией, можно объяснить причины поражений и неудач Польши, которые ее преследуют вот уже свыше трехсот лет. Эти причины связаны с особенностями положения областей информационного пространства, в которых находились польская элита. Русская элита находилась в другом пространстве. Разные области пространства объясняют реакции разных по менталитету политических субъектов на одни те же ситуации.

Со второй половины XX века в информационном поле происходил ментальный дрейф нашей политической элиты к той области пространства, в которой её ре-

акции на внешние и внутренние стимулы создавали угрозу для суверенитета и территориальной целостности государства. Именно поэтому современная политическая элита России мало чем отличается от шляхетской элиты Речи Посполитой XVII – XIX веков. Она также не делает предметом онтологической и политической рефлексии добровольно принятые ею чужие догматы. Она как групповой субъект политики не рефлексировала на тему особенностей и доминант своего мышления, воли, бессознательного и веры, стремительно теряя политическую субъектность. Об этом, в частности, свидетельствуют события двух так называемых чеченских войн 1994 и 1999–2000 гг. Элиты игнорировали эти войны или получали от них коммерческую выгоду, а их элитные отпрыски проводили время, развлекаясь в ночных клубах и разъезжая по всему миру в поисках увеселений.

С начала 90-х годов прошлого века и по настоящее время элиты не идут служить своей стране ни в армию, ни в военно-морской флот. Не идут они и в науку.

Получая с образованием в «цивилизованных странах» соответствующие догматические прививки, они пополняют ряды высшего управленческого персонала РФ, а также ряды «эффективных собственников» и богемы.

Таким образом, учитывая современное качество политических элит России как субъекта управления государством, представляется возможным прогнозировать результаты «дальнейшего развития демократии», модернизации, создания конкурентоспособной экономической модели страны, реформы Вооружённых сил, МВД и т.д. и т.п. Впервые за последние пятьсот лет русской истории политическая элита добровольно отказалась от исконных догматов как основы русского менталитета и национальной идентичности. При этом она отказалась и от самостоятельной роли России в мировом политическом пространстве. Элиты России, признав полную идеологическую победу Запада, пошли у него на поводу [19]. Но, как известно, идентичность тех, кто забыл себя, определяют другие.

Литература

1. Яковлева ЛЕ. *Испанская философская традиция в XX веке: социокультурный анализ*. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 2003. – С. 16–31.
2. Лосев АФ. *Диалектика мифа*. – М.: Академический проект, 2008. – С. 149–150. 152, 190.
3. Ракитянский НМ. *Догматические основания англо-американской ментальной экспансии (психолого-политический анализ) // Актуальные проблемы политической психологии / Под ред. Е.Б. Шестопал*. – М.: РИОР, 2010. – С. 89–110.
4. Можаровский ВВ. *Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики*. – СПб.: ОВИ-30, 2002.
5. Барулин В.С. *Российский человек в 20 веке*. – СПб., 2000. – С. 190.
6. Яковлева ЛЕ. *Указ соч.* С. 95–99.
7. Можаровский ВВ. *Психологический анализ религиозно-ментальных оснований политики: Автореф. дис. ... канд. психол. наук*. СПб.: СПбУ, 2003.
8. Лескинен МВ. *Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой*. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 165.
9. Ракитянский НМ. *Сарматизм – ментальная основа шляхетской Республики Речи Посполитой // Информационные войны*. 2010. № 3. – С. 80–87.
10. Лескинен МВ. *Указ соч.* С. 171.
11. Олэнн Дж. *Христианская духовность в католической традиции* // http://www.krotov.info/history/00/omen/omen_08.html
12. Mankowski T. *Orient w polskiej kulturze artystycznej*. Wrocław, 1959. S. 195–210.
13. Mankowski T. *Там же*.
14. Kucbawicz Zb. *Obyczaje staropolskie*. Warszawa, 1985. S. 131.
15. Ракитянский НМ. *Указ соч.*
16. Бухарин С.Н., Ковалев В.Н., Малков С.Ю. *О формализации понятия информационного поля*. – М.: Информационные войны. 2009. № 4.
17. Бухарин С.Н., Малков С.Ю. *К вопросу о математическом моделировании информационного воздействия*. – М.: Информационные войны. 2010. № 2.
18. Бухарин С.Н., Ракитянский НМ. *Теоретические и методологические основания политико-психологического анализа шляхетской элиты Польши* // Информационные войны. 2010. № 3. – С. 70–79.
19. Петрунин В.В. *Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата*. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 81.

Материал поступил в редакцию 16. 12. 2010 г.